

с отдельными упоминаниями бытовых предметов или «бытовизма» вообще. Реализм, — даже если говорить только лишь о формировании элементов его, — вовсе не сводится к разговорам о кабаках или почных туфлях. Реализм — это мировоззрение, а не слова. Реализм — это определенное отношение к действительности, а не аморфный выбор тематических мотивов. Поэтому и в творчестве Сумарокова следует видеть некоторые, еще слабые, моменты реалистического характера не потому, что он грубовато и смешно балагурит в своих «пригках», а потому, что отрицательные — с его точки зрения — явления общественной жизни он показывает конкретно, как реальные факты действительности, а не отвлеченно-типологически по «эстетике Декарта».

И в этом сказались существенные специфические черты русского классицизма XVIII в. по сравнению с его западными прообразами и собратьями. Русский классицизм был поздним цветом; он строился в ту пору, когда он уже рассыпался на Западе. Он строился уже несомненно и с самого начала нес в себе черты собственного распада. Он строился в условиях борьбы за существование русского дворянского либерализма, и по мере обострения этой борьбы с крепостнической деспотией он принужден был делать свое идеологическое оружие все более отточенным, острым, убийственным. Поражая врагов орудием сатиры, трудно было возноситься в сферу отвлеченных идеалов. В целях яркости, «доказательности» своей пропаганды надо было показать ужасную правду в ее наготе. И вот именно у наиболее острого и передового политического мыслителя этой традиции, предпринявшего напряженнейшую борьбу с рабскими формами крепостничества и с варварскими методами управления деспотии, у Фонвизина, строится по-настоящему реалистическое отношение к действительности и опять в пределах сатирической темы, в меру критики социально-политического уклада страны. Ведь, нападая на рабство и деспотию, Фонвизин волей-неволей делал прогрессивное дело не только в интересах либерального дворянства, но и в интересах свободы страны в целом.

Зарождение критического реализма у Фонвизина, замечавшееся еще у его предшественников, сатириков-классицистов, характерным образом было связано и с философски-эстетическим мировоззрением, свойственным данной литературной традиции. Русские классики считали ценным в плане идеологическом не конкретно-единичное бытие, а понятие, схему идеального или «разумного». Реальность российской общественной жизни их времени была в их сознании отрицательна в каждом единичном конкретном своем проявлении; они представляли себе конкретную реальность дурной уже в меру ее конкретной специфичности. Индивидуальное в их глазах — всегда дурно, отрицательно, так как оно отклоняется от обезличенной логической схемы. Таким образом и теория русского классицизма могла допустить изображение конкретных реальностей — именно как отрицательного бытия. В этом сказывалась глубокая неудовлетворенность дворянских либералов-классиков